

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 329.15

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Аналитическая статья

Левый популизм и политическое наследие еврокоммунизма

Каторжевский П.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: katarzheuski@gmail.com

Аннотация. Современные «левопопулистские» партии и движения зачастую рассматриваются как принципиально новое явление, возникшее как реакция на неолиберальные реформы последних десятилетий. В то же время, партии этого спектра воспроизводят дискурсивные практики и политическую тактику своих идеологических прародителей – коммунистических партий Италии, Франции и Испании, стоявших у истоков еврокоммунизма. В статье предпринята попытка проанализировать ключевые программные установки современных «левопопулистских» партий, а также рассмотреть влияние еврокоммунистического этапа идеологической эволюции левого движения на их актуальную политическую стратегию. На основе программных документов еврокоммунистических партий XX в. и политических деклараций современных «радикальных» левых проведён сравнительный анализ дискурсивных стратегий европейского левого движения на разных фазах его развития. В контексте рассмотрения генезиса популизма также произведена дифференциация «левой» и «правой» интерпретаций популистской политики.

Ключевые слова: исторический компромисс, прогрессивная демократия, неолиберализм, социализм, идеология

Для цитирования: Каторжевский П.Н. Левый популизм и политическое наследие еврокоммунизма. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 898–905. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Left Populism and the Political Legacy of Eurocommunism

Pavel N. Katorzhevskij

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: katarzheuski@gmail.com

Abstract: Contemporary left-populist parties are often referred to as the 'new left', which emerged as a response to the crisis of democracy and neoliberal reforms. At the same time, parties on this ideological spectrum often reproduce the political strategy of twentieth-century Eurocommunist parties. An analysis of left-wing populism sets out to examine the differences between the "right-wing" and "left-wing" versions of populism. Based on the political declarations of twentieth-century Eurocommunist parties and contemporary radical left-wing movements, a comparative analysis of the discursive strategies of European left-wing parties at different stages of their development is undertaken. The article analyses the key ideological and programmatic positions of left-wing populism and the impact of Eurocommunism on

the current political strategy of contemporary left-wing populist parties in Europe. The article also attempts to forecast the development of left populist parties in the light of their political practices.

Keywords: historical compromise, progressive democracy, neoliberalism, socialism, ideology

For citation: Katorzhevskij P.N. 2022. Left Populism and the Political Legacy of Eurocommunism. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 898–905 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Введение

На уровне обыденного сознания термин «популизм» ассоциируется с такими словами, как «демагогия» или «ложные обещания». Как указывает исследователь Марина Принтулис, популизм является достаточно широким понятием и может ассоциироваться как с левыми, так и с правыми политическими движениями, и только конкретное содержание может делать его «хорошим» или «плохим», иными словами, популизм – это политическая логика и способ ведения политики [Prentoulis, 2021, p. 1]. Французский философ Пьер Розанваллон в своей работе «Популистский век» пишет, что сам термин «популизм» возник в 1870-х и первоначально использовался применительно к движению русской интеллигенции, которая в большинстве своём стояла на анархистских, марксистских и народнических позициях, что позволяет говорить о «левом» происхождении популистской политики [Rosanvallon, 2021, p. 7]. Кас Мудд ёмко характеризует популизм как нелиберальный демократический ответ недемократическому либерализму [Mudde, 2016, p. 13]. Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., привёл к росту популистских движений преимущественно левого толка.

В данной статье предпринята попытка проанализировать политическую повестку современных левопопулистских партий и движений в Европе, а также выявить влияние еврокоммунизма на их актуальную политическую стратегию.

Дифференциация «правого» и «левого» популизма

Некоторые исследователи, опираясь на ключевые идеологические элементы левого популизма, делают вывод о сходстве левого и правого популизма, отмечая параллельный рост популярности крайних спектров политического поля, ссылаясь на так называемую «теорию подковы», в соответствии с которой левые и правые радикалы ближе друг к другу и равноудалены от политического центра. Однако такое сравнение представляется поверхностным в силу того, что левый популизм, в отличие от правого, более инклюзивен и включает в себя защиту мигрантов и других дискриминируемых групп, а также делает акцент не на культурном или этническом аспекте, а на социальном [Casullo, Ostiguy, 2017]. Несмотря на то, что правые и левые популисты могут видеть схожих «врагов» («брюссельская бюрократия», «Вашингтон», *casta política*) и препятствия для реализации своих программных установок, в конечном счёте их социальный идеал существенно отличается.

Эти различия можно проследить по программным документам панъевропейских партий левого и правого политических спектров. Партия европейских левых (ПЕЛ), включающая в себя партии левопопулистской ориентации, декларирует свою приверженность ценностям социализма, коммунизма, феминизма, энвайроментализма, прогрессивного либерального мышления и антимилитаризма. В конечном счёте, ПЕЛ выступает за «другую» – социальную и демократическую Европу, где приоритетом должна стать защита прав наёмных работников. Партия идентичности и демократии объединяет европейские партии, находящиеся на позициях правее традиционных консервативных и христианско-демократических установок. В своей политической платформе она делает акцент на сохранении идентичности наций и отвергает политику, направленную на построение наднациональной модели [Identity and democracy Party]. В этом контексте более актуальной

представляется «теория рыболовного крючка» («fish hook theory»), в соответствии с которой существует «левый» край и «правый». Последний, изгибаясь подобно рыболовному крючку, значительно ближе к политическому центру, чем к правым [Elhefnawy, 2022].

Понятие «левого популизма» широко вошло в публичный дискурс после левого поворота в странах Латинской Америки в начале 2000-х и прихода к власти политических режимов социалистической ориентации в Венесуэле и Эквадоре, персонификацией которых стали Уго Чавес и Эво Моралес [March, 2012, p. 118]. «Левый популизм» не имеет чёткой дефиниции, и наиболее общей характеристикой для левопопулистских партий и движений является противопоставление народных интересов и элит, что мы можем обозначить общим термином «антиистеблишментность». Российский исследователь Дмитрий Шмелев указывает, что для левого популизма также характерно оспаривание позиций классических левых партий и конформистских левых групп [Шмелев, 2018, с. 70]. Левый популизм прочно вошёл в политику левых партий Европы и повлиял на их организационные принципы, но при этом не привёл к отказу от их основополагающих принципов и изначальной идентичности [Agustín, 2020, p. 1].

Генезис и реактуализация левого популизма в Европе

Реактуализация левого популизма и закрепление левопопулистских партий и движений в европейском политическом пространстве были вызваны глобальным экономическим кризисом 2008 года и кризисом политического представительства как такового [Prentoulis, 2021, p. 1]. К другим причинам подъёма левопопулистских движений мы можем отнести общий кризис системных партий, рост безработицы, утрату населением веры в способность преодолевать складывающиеся кризисные ситуации и введение мер жёсткой экономии на социальный нуждах, спровоцированное возникновением европейского долгового кризиса [Шмелев, 2018; Mouffe, 2018]. Форму организации левых популистов и их программные установки при общем акценте на «народоцентризме» и «антиэлитизме» нельзя назвать монолитными. В то время как одни представители левого популизма выступали за создание движения, другие предлагали создание иерархических вертикальных структур или выступали за синтез партийной формы организации с форматом широкого народного движения [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 216].

Началом институционализации левого популизма в Европе можно считать массовые митинги с занятием площадей в Греции и Испании в 2011 году [Prentoulis, 2021, p. 1]. В некотором роде эти события стали копированием опыта американского движения Occupy Wall Street. В отличие от протестного движения в США, уличные акции против мер жёсткой экономии и кризиса политической системы привели к созданию таких партий, как Podemos, которая была основана в январе 2014 года. С одной стороны, риторика Podemos выражала прагматическую повестку с требованиями социальной справедливости, восстановления государства всеобщего благосостояния, доступности общественно значимых услуг. Вторая сторона риторики испанских «новых левых» выражала требования полного преодоления неолиберализма и коренного изменения политической системы [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 6].

Случай греческой Коалиции радикальных левых (СИРИЗА) несколько отличается в том смысле, что, в отличие от Podemos, она была образована в 2004 году как коалиция радикальных социалистических организаций и лишь в 2013 году преобразована в единую партию. Ведущую роль в объединении леворадикальных групп несталинистского толка играла партия «Синаспизмос», основанная в 1991 г. [Katsourides, 2016, p. 50]. Сама «Синаспизмос» вела свою преемственность от Единой демократической левой партии, которая была единственной легальной левой политической партией во времена диктатуры т. н. «Чёрных полковников». Таким образом, СИРИЗА имеет гораздо более долгую историю идеологического становления, чем «Podemos», и если появление последней стало своеобразным ответом на кризис, ускоряющиеся неолиберальные реформы и застой в партийной системе, то созда-

нию СИРИЗА предшествовал долгий процесс, запущенный кризисом начала 1990-х в мировом социалистическом движении. Вместе с тем на идеологическое обновление СИРИЗА, как и в случае с испанскими «леворадикалами», оказал влияние мировой финансовый кризис и массовое протестное движение против «мер жёсткой экономии». Ещё одним отличием СИРИЗА от Podemos мы можем назвать тот политический ландшафт, в котором формировались эти партии. Несмотря на то, что как Греция, так и Испания прошли через эпоху господства авторитарных режимов правой направленности, в Испании сформировался устойчивый двухпартийный ландшафт. В Греции же случай СИРИЗА не был прецедентным, и ранее большинство в парламенте уже получала левоцентристская популистская партия «Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК).

К левопопулистским партиям и движениям также можно отнести польскую «Lewcia Razem» («Левые Вместе»), ирландскую «Sinn Fein» («Мы сами») и «Непокорённую Францию». Рассмотрение левопопулистских партий на примере Греции и Испании обусловлено в первую очередь тем, что их электоральные результаты в корне преобразовали соотношение политических сил на национальном уровне и поставили вопрос о самом будущем европейского проекта в том виде, в котором он существует на данный момент. Случай СИРИЗА также даёт нам возможность проследить идеологическую преемственность левого популизма и его взаимосвязь с еврокоммунистическими установками, которые можно рассматривать как генезис идеологии и дискурса современных европейских левых популистов.

Одним из основополагающих элементов левого популизма можно назвать представление о «народе» как о субъекте, который противостоит «элитам» и «истеблишменту». К примеру, ключевыми концептами дискурса «Podemos» (*ideas fuerza*) при обозначении целевой аудитории являются «народ», «большинство», «граждане» и «люди» [Ларионова, 2017, с. 392]. Такой подход зачастую вызывает саморефлексию у современных левых, так как обозначение «народ» является достаточно широким и постепенно вытесняет понятие классов, использование которого всегда являлось для них отличительным маркером [Agustín, 2020, p. 33]. Как указывает греческий исследователь Яннис Балампанидис, традиционный классово-ориентированный коммунистический язык имеет «анти-тела» против популистских риторических конструкций, так как в его основе лежат социальные классы, а не народ как недифференцированное целое. Но когда антисистемная (еврокоммунистическая) партия переходит к стратегии превращения в «национальную» политическую силу, то она неизбежно сталкивается с искушением популизма. Этот вопрос тесно связан с системным кризисом антикапиталистических левых и поиском радикальными левыми «нового революционного субъекта». Во многом поиск новых целевых групп радикальными левыми был обусловлен становлением «общества потребления» в европейских странах и событиями «Красного мая» 1968 г. во Франции. Наиболее иллюстративным здесь является саморепрезентация Французской коммунистической партии, которая именно под влиянием событий 1968 года заявила, что как партия рабочего класса она всегда являлась также выразительницей интересов и французской нации [Balampanidis, 2018, p. 154]. Схожие тенденции можно проследить и в политических документах Итальянской коммунистической партии (ИКП), стоявшей у истоков еврокоммунизма. На своём VIII съезде ИКП заявила о необходимости постоянного союза рабочего класса со «средними слоями», а также об обеспечении их права на участие в управлении государством в рамках демократического пути к социализму. В материалах партийного съезда, помимо традиционного для коммунистов акцента на роли пролетариата, приоритет получила формулировка «рабочий класс и весь народ» [Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии, 1957]. Положение о расширении социальной базы левых сил развивает Сантьяго Каррильо, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (КПИ) в 1960–1982 гг. В своей работе «Еврокоммунизм и государство» (1977) он указывает, что социалистические преобразования в Европе не являются необходимыми только для пролетариата, они отвечают интересам «большинства населения».

Далее он делает вывод о том, что компартии должны научиться выступать «от имени нации» – наиболее передовых сил труда и культуры, выражая интересы самых широких социальных слоёв [Попов, 2008, с. 86–87].

Ещё одним тезисом еврокоммунизма, который в иной форме воспроизводится современными левыми популистами – движение от капитализма к социализму через стадию так называемой «прогрессивной демократии». Лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти считал, что благодаря сложившимся в послевоенное время запросам общества и имплементации некоторых пунктов коммунистической программы в Конституцию Италии возможен переход от «чистой» демократии к «прогрессивной». Под последней он понимал демократическое устройство общества и государства, при котором легальными методами будут осуществлены некоторые социалистические преобразования: ограничение права собственности общественными интересами, рабочий контроль и создание фабрично-заводских советов, вмешательство государства в экономику и введение элементов планирования. Таким образом, «прогрессивную демократию» можно считать своеобразным этапом транзита, который можно охарактеризовать как «несоциалистическое и некапиталистическое государство» [Kindersley, 1981, p. 131–132]. Данная концепция во многом созвучна лозунгу левопопулистских партий о «Другой социальной Европе». В своём политическом манифесте ПЕЛ не выдвигает требований немедленного установления социализма через диктатуру пролетариата, современные левые говорят о преодолении всевластия корпораций, расширения социального обеспечения, демилитаризации и *трансформации* капитализма и европейского интеграционного проекта как такового. При этом в качестве механизмов реализации своей повестки они, как и еврокоммунисты XX в., видят уже существующие демократические институты: «Мы хотим действовать так, чтобы избранные институты, Европейский парламент и национальные парламенты, а также представительные комитеты (Экономический и социальный комитет и Комитет регионов) имели больше полномочий для действий и контроля» [European Left Manifesto]. Стоит отметить, что воспроизводство этой стратегии создаёт вызовы для левых сил, так как современные левопопулистские партии экстраполируют еврокоммунистический опыт с национального уровня на общеевропейский в совершенно отличных условиях. Если в Италии второй половины прошлого столетия компартия участвовала в разработке основного закона страны и была одной из наиболее авторитетных политических сил, то современные «леворадикалы», обладая значительно меньшим влиянием, пытаются преобразовать европейскую демократию с помощью тех инструментов, принцип устройства и функционирования которых сами же критикуют.

Исходя из стремлений еврокоммунистических партий двигаться к социализму в рамках демократического политического процесса, необходимо также упомянуть политику «исторического компромисса», которой следовала ИКП в 1970-х годах. Анализируя причины военного переворота в Чили, генсек ИКП (1972–1984) Энрико Берлингуэр пришёл к выводу, что свержение социалистического правительства Сальвадора Альенде стало возможным из-за того, что чилийские левые не смогли найти компромисс с христианско-демократическими силами. С 1975 г. итальянские коммунисты, опираясь на политику «исторического компромисса», призывали к созданию коалиционного правительства «национального единства» [Kindersley, 1981, p. 149]. КПИ, стоявшая на правом фланге еврокоммунизма, озвучивала схожие идеи. После смерти Франсиско Франко и начала демократического транзита лидеру испанских коммунистов С. Каррильо удалось достичь компромисса с премьер-министром Адольфо Суаресом, после чего КПИ перестала выступать против института монархии и призывала к созданию «всеобъемлющего демократического правительства» [Larsen, 2012]. Обращаясь к опыту современных левопопулистских партий, следует упомянуть случай СИРИЗА, которая после парламентских выборов в январе 2015 г. в Греции буквально на следующий день сформировала коалиционное правитель-

ство с правой националистической партией «Независимые греки», что многие расценили как идеологически непоследовательный шаг. Альянс СИРИЗА с правыми был продиктован необходимостью формирования правительства и невозможностью сформировать его своими силами [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 34]. В то же время здесь прослеживается воспроизведение еврокоммунистической политики «исторического компромисса». Греческие левые популисты, пытаясь реализовать свою программу и оставаясь в рамках правил демократической политической системы, предпочли союз с идеологическими оппонентами идее «ортодоксальных коммунистов» о подчинении парламентской деятельности революционным целям и использованию имеющейся народной поддержки для демонтажа существующего конституционного строя [Katsourides, 2016, p. 104].

Заключение

Современные «радикальные» левые и левопопулистские партии продолжают воспроизводить еврокоммунистические практики, хотя на символическом уровне и пытаются разорвать всякие ассоциации с еврокоммунизмом. Вместе с тем еврокоммунизм возник во второй половине XX в. в специфических условиях, которые частично перестали быть актуальными после падения мировой социалистической системы и концептуального оформления неоллиберализма. Помимо этого, еврокоммунистические партии действовали на национальном уровне, и на тот момент вопрос об отношении к проекту европейской интеграции и взаимодействии с наднациональными институтами не стоял на повестке дня.

Стратегия левых популистов на данный момент создаёт противоречие между их «революционными» целями и стремлением не выходить за рамки либеральной демократии европейского образца, вынуждая их воспроизводить еврокоммунистическую тактику в отсутствие тех факторов, благодаря которым еврокоммунизм сформировался как модификация коммунистической идеологии. Можно прогнозировать, что политическая практика последних десятилетий, которую трудно назвать успешной в части реализации предвыборных обещаний и коренной трансформации политических систем в своих странах, вынудит левопопулистские партии к идеологической саморефлексии и переосмыслению своих ключевых идеологических позиций.

Список литературы

- Ларионова М.В. 2017. Дискурсивная стратегия испанской партии «Подemos»: политика как борьба за смыслы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 17 (4): 389–394.
- Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М., Госполитиздат, 1957, 344.
- Попов Л.Б. 2008. Воспоминания о еврокоммунизме. М., Международные отношения, 160.
- Шмелев Д.В. 2018. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 11 (3): 69–84.
- Agustín Ó.G. 2020. Left-wing populism: The politics of the People. Bingley, Emerald Publishing Limited, 153.
- Agustín Ó.G., Briziarelli M. 2018. Podemos and the new political cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Cham, Springer, 299.
- Balampanidis I. 2018. Eurocommunism: From the communist to the radical European Left. London, Routledge, 266.
- Casullo M.E., Ostiguy P. 2017. Left versus right populism: antagonism and the Social Other. Available at: www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2017/Ostiguy%20and%20Casullo_0.pdf (accessed 22 September 2022).
- Charalambous G., Ioannou G. 2020. Left Radicalism and Populism in Europe. London, Routledge, 288.
- Elhefnawy N. 2022. Centristism and Populism: A Note. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4137523>. (accessed 22 September 2022).
- European Left Manifesto Available at: <https://www.european-left.org/manifesto>.
- Identity and democracy Party Available at: <https://www.id-party.eu>.

- Katsourides Y. 2016. *Radical left parties in government: The cases of SYRIZA and AKEL*. London, Palgrave Macmillan, 170.
- Kindersley R. 1981. *In search of Eurocommunism*. London, Macmillan Press, 218.
- Larsen P. 2012. *Santiago Carrillo (1915–2012): el hombre que traicionó dos revoluciones socialistas*. Available at: <https://www.marxist.com/carrillo-obituary-es.htm>. (accessed 22 September 2022).
- March L. 2012. *Radical left parties in Europe*. London, Routledge, 259.
- Mouffe C. 2018. *For a left populism*. London, Verso Books, 101.
- Mudde C. 2016. *SYRIZA: The failure of the populist promise*. Cham, Springer, 98.
- Prentoulis M. 2021. *Left Populism in Europe: Lessons from Jeremy Corbyn to Podemos*. London, Pluto Press, 184.
- Rosanvallón P. 2021. *The Populist Century: History, Theory, Critique*. Cambridge, Cambridge Polity Press, 223.

References

- Larionova M.V. 2017. *Diskursivnaya strategiya ispanskoj partii «Podemos»: politika kak bor'ba za smysly* [Discursive strategy of the Spanish Podemos party: politics as a struggle for meanings]. *Proceedings of the University of Saratov. New Series. Series Philology. Journalism*. 17 (4): 389–394 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-389-394
- Materialy VIII sjezda Ital'janskoj kommunističeskoj partii [Materials of the VIII Congress of the Italian Communist Party]. M., Gospolitizdat, 1957, 344 (in Russian).
- Popov L.B. 2008. *Vospominanija o evrokommunizme* [Memories of Eurocommunism]. Moscow, International Relations, 160 (in Russian).
- Shmelev D.V. 2018. *Levyj populizm v stranah Zapada. Fenomen ŽH.-L. Melanshona. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Left-wing populism in Western countries. The phenomenon of J.-L. Melanchon. Contours of global transformations: politics, economy, law]. 11 (3): 69–84 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84
- Agustín Ó.G. 2020. *Left-wing populism: The politics of the People*. Bingley, Emerald Publishing Limited, 153.
- Agustín Ó.G., Briziarelli M. 2018. *Podemos and the new political cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. Cham, Springer, 299.
- Balampanidis I. 2018. *Eurocommunism: From the communist to the radical European Left*. London, Routledge, 266.
- Casullo M.E., Ostiguy P. 2017. *Left versus right populism: antagonism and the Social Other*. Available at: www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2017/Ostiguy%20and%20Casullo_0.pdf (accessed 22 September 2022).
- Charalambous G., Ioannou G. 2020. *Left Radicalism and Populism in Europe*. London, Routledge, 288.
- Elhefnawy N. 2022. *Centrism and Populism: A Note*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4137523>. (accessed 22 September 2022).
- European Left Manifesto Available at: <https://www.european-left.org/manifesto>.
- Identity and democracy Party Available at: <https://www.id-party.eu>.
- Katsourides Y. 2016. *Radical left parties in government: The cases of SYRIZA and AKEL*. London, Palgrave Macmillan, 170.
- Kindersley R. 1981. *In search of Eurocommunism*. London, Macmillan Press, 218.
- Larsen P. 2012. *Santiago Carrillo (1915–2012): el hombre que traicionó dos revoluciones socialistas*. Available at: <https://www.marxist.com/carrillo-obituary-es.htm>. (accessed 22 September 2022).
- March L. 2012. *Radical left parties in Europe*. London, Routledge, 259.
- Mouffe C. 2018. *For a left populism*. London, Verso Books, 101.
- Mudde C. 2016. *SYRIZA: The failure of the populist promise*. Cham, Springer, 98.
- Prentoulis M. 2021. *Left Populism in Europe: Lessons from Jeremy Corbyn to Podemos*. London, Pluto Press, 184.
- Rosanvallón P. 2021. *The Populist Century: History, Theory, Critique*. Cambridge, Cambridge Polity Press, 223.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Принята к публикации 11.11.2022

Received 28.09.2022

Revised 10.10.2022

Accepted 11.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каторжевский Павел Николаевич, аспирант кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4640-9018](https://orcid.org/0000-0002-4640-9018)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel N. Katorzhevskij, Postgraduate student in the Department of Theory and Philosophy of Politics at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation